

В. П. БУДАРАГИН

Древлехранилище Пушкинского Дома в общеоархеографическом контексте

Термин «археография» так и не утвердился пока в общественном сознании. Исторически относившаяся к более широкому понятию «археология», эта научная дисциплина как бы осталась в ее тени. «Археологическая экспедиция» вместо «археографическая экспедиция» — обычная для журналистов описка, подтвержденная единожды даже на уровне издательства «Наука», когда титульный лист тиража «Археографического ежегодника» оказался набран с названием «Археологический ежегодник» (М., 1975). Это притом, что археографическая экспедиция П. М. Строева была утверждена и профинансирована Академией наук еще в 1828—1829 гг., а к 1834 г. относится создание Археографической комиссии как таковой.

Термин, однако, существует и даже имеет тенденцию к разделению на археографию полевую и камеральную: в первом случае речь идет о поисках и изучении памятников письменности в среде их бытования, во втором — подразумевается работа по изучению и описанию материалов, уже находящихся на хранении. Сразу скажу, что этот второй археографический аспект в данной статье рассмотрению не подлежит. Он вечен, пока существуют архивы, музеи, библиотеки, — принципы камеральной археографии в известной мере единообразны, они достаточно «нейтральны» для источниковедения различных стран мира. Что же касается экспедиционной археографической работы, поисков памятников рукописной и печатной старины непосредственно у населения, у жителей сел и деревень огромной страны, то она, судя по всему, близка к завершению, но прецедент состоялся и заслуживает быть включенным в историю как академической науки, так и научного знания в целом.

Показательно, что термины «археография», «археографическая экспедиция» не используются сейчас в европейских языках, когда речь идет о поиске рукописей — в прежние ли столетия, в нынешние ли времена. Этим поискам, начавшимся еще со времен Петрарки, Европа обязана в значительной степени сохранением памятников античной литературы. Впоследствии были открыты памятники письменности многих других цивилизаций древнего мира. Но каково происхождение этих находок, где искали и находили свою добычу «охотники за рукописями», как называют их не только журналисты, но и ученый-историк Лео Дойель в своей монографии «Завещанное временем»? Чаще всего это были результаты раскопок: в прямом ли археологическом смысле, в переносном ли археографиче-

ском, когда речь идет об обследовании монастырских архивов и библиотек. Об археологии мы говорить не будем, хотя новгородские берестяные грамоты тоже стали в свое время научной сенсацией и продолжают удивлять новыми открытиями. Что же касается поисков рукописной старины в центрах ее сосредоточения, каковыми традиционно были монастыри на Западе и Востоке, то упоминавшаяся уже археографическая экспедиция П. М. Строева, длившаяся шесть лет, по своей масштабности превзошла многие подобные начинания европейских ученых, хотя и ориентировалась на российские пределы. Другие же отечественные ценители старины наравне с западными искателями раритетов обследовали монастыри Афона и Ближнего Востока, привозя из этих поездок и путешествий отдельные фрагменты или целые коллекции рукописей, имевших иногда первостепенное источниковедческое значение. Удивительно другое: рассказы Поджио и Боккаччо, Кёрзона и Тишендорфа о поразительном небрежении, в котором сохранялись монахами в монастырях рукописные раритеты, подтверждаются подобными же свидетельствами митрополита Евгения Болховитинова и того же П. М. Строева относительно русских монастырей. Вполне вероятно, что так оно и было в монастырях, пришедших в упадок, не имевших достаточных средств для сохранения исторических фондов своих книгохранилищ. Но другой, общий для всех собирателей, тезис о нежелании монахов показывать заезжим людям сохраняющиеся у них книги в известной степени объясняет, почему эти редкости сохранились вообще, дожидаясь своего часа, чтобы быть востребованными — их все-таки берегли, пусть и не обладая достаточными знаниями об их источниковедческой ценности.

Еще одним источником пополнения государственных и частных коллекций всегда были книжные развалы, букинистические лавки, иногда и просто старьевщики, где никогда, однако, нельзя было получить достоверных сведений, от кого или откуда происходит рукопись, документ, редкое издание.

В XX в. христианская Европа рукописей в своих монастырях уже не искала, они почти все уже были известны или сокрыты столь надежно в личных коллекциях, что рассуждать о них можно было только гадательно. Но именно в этом столетии в России состоялось открытие, которое сначала заслужило должные похвалы, о котором потом почти забыли, чтобы осознать его значимость уже во второй половине этого столетия.

В 1900 г. ученым хранителем Рукописного отделения БАН был утвержден Всеволод Измаилович Срезневский. И уже в следующем году он отправился в поездку по городам Вологодской губернии. Сначала все вроде бы выглядело традиционно: ознакомиться с сохранностью рукописной старины, завязать отношения с возможными держателями старинной книжности. Но в последующие два года Всеволод Измаилович начинает вести поиски не только в городах, монастырях и местных канцеляриях духовного ведомства — он сам едет по деревням и весям. Особенно впечатляет его Заонежье, где, как он писал в своем отчете, почти не встречалось дома без печатных книг или рукописей. Замечателен и результат поездки: в Рукописное отделение БАН поступило 240 рукописей XV—XIX вв. Блистательное начало по археографическому обследованию Заонежья, по выявлению непосредствен-

но у населения сохраняющихся рукописных и печатных древностей не имело, однако, должного продолжения (последняя поездка В. И. Срезневского состоялась в 1905 г.), но получило вполне академическое завершение в 1913 г. в виде образцового научного описания находок, выполненного им же.

В 1931 г. В. И. Срезневский, создатель Рукописного отделения Библиотеки Академии наук (до него это был несистематизированный склад книжных древностей) из-за разногласий с директором Библиотеки вынужден был выйти на пенсию. Перелистнулась и осталась недописанной весьма примечательная страница в истории отечественной археографии и Библиотеки Академии наук в частности.

Но уже вскоре, в 1934 г., недавний рабфаковец, студент-филолог Владимир Малышев впервые поехал на Печору, чтобы попробовать записать еще, может быть, сохранившиеся там устные предания о протопоне Аввакуме. На книжные находки он и не рассчитывал, ибо первооткрыватель фольклорной Печоры Н. Е. Ончуков предупредил в своих публикациях и отчетах возможных собирателей, что книжной старины здесь почему-то нет. Студенту Малышеву удалось разглядеть то, что осталось недоступно глазу известного фольклориста: он открыл рукописную Печору.

Пока это были редкие поездки («на свой кошт») и единичные приобретения, передаваемые то в БАН, то в личные коллекции академиков. Но теперь, куда бы ни ехал Малышев, он везде искал, узнавал, спрашивал, «а нет ли чего по-славянски писанного». Когда же ему удалось поехать в 1940 г. в официальную экспедицию от Карельского филиала АН, он привез сразу 338 рукописей XV—XIX вв. Но Малышеву уже недостаточно только искать и находить. Он мечтает о том, чтобы находки не расплылись по разным учреждениям, чтобы их можно было сосредоточить в одном хранилище, иметь к ним доступ, работать с ними. И только еще через десять лет, в 1949 г., В. И. Малышев едет наконец в экспедицию с тем, чтобы привезенные находки поступили на хранение в Рукописный отдел Пушкинского Дома на правах «Собрания Отдела древнерусской литературы». Возглавляет Отдел в это время и благословляет эту «малышевскую» инициативу чл.-кор. В. П. Адрианова-Перетц. Парадокс же первой от Пушкинского Дома экспедиции Малышева состоит в том, что финансируется она московским Институтом истории, во главе которого пребывает академик М. Н. Тихомиров. Едет Малышев опять на Печору, и первые 32 рукописи XVI—XIX вв., привезенные из этой поездки, становятся основой как Печорского собрания, в котором их сейчас около тысячи, так и всего Древлехранилища Пушкинского Дома, где за пятьдесят с небольшим лет число их превысило 12 тысяч рукописей XII—XX вв.

Но что же за археографическая terra incognita открылась Срезневскому и Малышеву в минувшем столетии? Почему вдруг, в единственной из христианских стран, не только сохранение старинных книг, но и само книгописание в конкретной России продлилось во времени, когда мы имеем подчас дело с рукописями «по-славянски», датируемыми даже 80—90-ми гг. XX в.? Причиной тому стал церковный раскол середины XVII в., когда значительная часть населения страны не признала обрядовых нововведений патриарха Никона и осталась при «двуперстном» молитвенном сложении пальцев руки, написании имени Божьего с одним «И десятиричным» (i), при «гол-

гофском» воплощении креста Господня. Все эти ревнители «старой веры», кого официальные власти стали потом именовать раскольниками, оказались в своей стране на положении еретиков, без права, в частности, держать типографии и печатать книги. Но книга, грамотность стояла для них всегда на первом месте, поскольку аргументированно отстаивать свою правоту можно было, только ссылаясь на исторические предания, церковные установления и писания отцов церкви. Да и сама практика общественного богослужения или скитнического бытия нуждалась в книге. А поскольку официальная реформированная церковь перешла на обязательное служение по печатным, «новопреведенным» и исправленным книгам, то для старообрядцев появилась возможность приобретения старинных рукописных и «дониконовской» печати книг в церквях и монастырях, хотя многое впоследствии приходилось воспроизводить от руки, переписывать.

О старообрядцах знали, конечно, до Срезневского и Малышева. Официальные власти на протяжении двух столетий изымали у них «старые книги»; коллекционеры подчас пополняли свои коллекции приобретенными у старообрядцев такими книгами; в XIX в. стали складываться из них весьма впечатляющие собрания купцов-старообрядцев, промышленников-старообрядцев. Но если Срезневский впервые открыл для науки этот возможный источник пополнения академических фондов, то Малышев уже не просто собирал рукописи, он вовлекал в поиски рукописной старины всех сколько-нибудь не безразличных к отечественной письменности и культуре. Он понимал, что старинная книга начинает терять свой авторитет даже в старообрядческих семьях, поскольку молодое поколение уже не желало учиться читать «по-славянски», а наиболее грамотные и авторитетные старообрядцы, как правило, не пережили годы коллективизации и борьбы с религией. Книги «душеполезные» теряли свой высокий статус — и в итоге дальнейшая их судьба становилась непредсказуемой. Призывы Малышева «во спасение рукописной старины» были, однако, услышаны: появились новые археографические центры в Новосибирске, на Урале, в Москве, Нижнем Новгороде, Ярославле и других городах.

Но не в декларативных заявлениях было значение Малышева. В своей статье 1964 г. «Задачи собирания древнерусских рукописей» он рассказал, как надо вести поисковую археографическую работу, он не делал тайны из своего многолетнего опыта и настаивал на необходимости сплошного и многократного обследования территорий со старообрядческим населением, на обязательной фиксации сохранившихся сведений о переписчиках, художниках, переплетчиках, на территориальном принципе хранения найденных в экспедициях рукописей. Речь шла, таким образом, не только о собирании рукописей, но об изучении рукописно-книжной традиции многих и многих районов России.

В этом и состоит уникальность отечественной археографии: реальной оказалась возможность искать и изучать рукописную старину непосредственно в среде ее бытования, где книги и не просто хранили, но читали и переписывали. В полной мере реализовать эту возможность удалось, однако, только во второй половине ушедшего столетия, в значительной степени благодаря подвижничеству доктора филологических наук В. И. Малышева. чье имя носит теперь созданное им в Пушкинском Доме Древлехранилище.